

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЛКОВАНИЯХ ПОНЯТИЯ «КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА» В ИСТОРИОГРАФИИ КНР

Одной из главных тем исторической науки КНР после 1949 г. стали крестьянские войны и восстания при феодализме. Объективно это обуславливалось ролью крестьянства в китайской революции, в антифеодальной и антиимпериалистической борьбе китайского народа. Работы о повстанческих выступлениях социальных низов средневековья начали появляться в КНР уже с 1950 г., и к середине 60-х годов общее количество книг, брошюр, статей, сообщений, обзоров и заметок на данную тему достигло более полутысячи. Среди авторов этой обширной литературы — едва ли не все ведущие ученые, включая руководителей исторического фронта в КНР, многие видные медиевисты, как ученые старой школы, так и молодые исследователи. Материалы о крестьянских войнах и восстаниях печатались во всех исторических журналах («Лиши яньцзю», «Шисюэ юэкань», «Синь шисюэ тунсюнь», «Лиши цзяосюэ» и др.) и в периодических изданиях по гуманитарным наукам (таких, как «Вэнь ши чжэ» и «Цзянхай сюэкань»), в общественно-политических и теоретических журналах («Хунци», «Сюэси», «Синь цзяньшэ», «Лилунь юй шицзянь»), в вестниках многих университетов и педагогических институтов, в центральных и местных газетах. Некоторые из этих материалов увидели свет также в двух специальных сборниках¹.

Существенной частью работ по данной проблематике призвана была стать, и в первой своей фазе (до 1958—1959 гг.) действительно стала, дискуссия², в ходе которой затрагивались принципиально важные и актуальные, к тому же малоразработанные китайскими историками вопросы истории и теории антифеодальных движений³. Смысл дискуссии заключался, судя по намерениям ее инициаторов (Цзянь Бо-цзань, Хоу Вай-лу, Сунь Цзо-минь, Ци Ся и другие видные специалисты), в том, чтобы если не решить эти вопросы, то уж по крайней мере выработать позитивную основу для их решения или хотя бы приблизиться к этому⁴. Однако ни той, ни другой цели достичь не удалось.

К концу 50-х годов в изучении и освещении фактов и проблем истории крестьянских войн и восстаний ученые КНР заметно продвинулись вперед, чему способст-

¹ «Сборник статей о крестьянских восстаниях в Китае». Пекин. 1954 (изд. 2-е, дополн. Пекин. 1958).

² Некоторые советские историки относят начало дискуссии к 1958, другие — к 1960 г. (см. «Историческая наука в КНР». М. 1971, стр. 136, 180). Называются и иные, близкие к этим даты. Думается, однако, что на исходе 50-х годов дискуссия вступила в новую фазу, а начало ее надо отнести к февралю 1951 г., когда теоретико-политический журнал ЦК КПК «Сюэси» (т. III, № 10) поместил статью Цзянь Бо-цзаня «О крестьянских войнах в старом Китае». Вопрос о времени начала дискуссии представляет существенный интерес, поскольку его изучение позволяет проследить, как именно с первых же шагов в разработке темы классовой борьбы в феодальном Китае среди историков КНР столкнулись разные тенденции, в каком направлении и как конкретно менялось соотношение сил в противоборстве мнений.

³ См. «Дискуссия по проблемам крестьянских войн в китайском феодальном обществе». Сборник статей. Пекин. 1962 (далее — «Дискуссия по проблемам крестьянских войн»).

⁴ Дискуссия нашла отклики за пределами Китая. Сообщения о ней неоднократно публиковались в СССР (в журналах «Вопросы истории», «Проблемы востоковедения» и «Народы Азии и Африки», в различных сборниках). Аналогичная информация давалась в научной периодике ряда европейских и азиатских социалистических

вовала, несомненно, упомянутая выше дискуссия. Хотя уже тогда в трудах ряда историков содержалось немало ошибок и недостатков принципиального характера, все же начальный период (до 1958 г.) был в целом продуктивным: намечался, казалось, в общем верный путь для дальнейшей более широкой и углубленной разработки темы. Но с конца 50-х годов обсуждение, претерпевшее политическую трансформацию, постепенно теряло, а накануне «культурной революции» и совсем утратило свое научное содержание и значение. Навязанные китайским медиевистам маоистские схемы и установки в конечном счете увели дискуссию в сторону от решения научных задач. Внешне дело обстояло как будто бы благополучно: с 1959 по 1963 г. дискуссионных статей, сообщений и заметок появлялось все больше (только за три года — с 1959 по 1961-й — свыше 150). В научно-теоретическом же плане дело шло по нисходящей линии. Примитивное социологизирование, голый схематизм, сугубо схоластический характер, крайняя модернизация событий и проблем прошлого, нигилизм в отношении источников и конкретных исследований отличают содержание абсолютного большинства опубликованных в КНР с конца 50-х годов выступлений по вопросам крестьянских войн и восстаний.

В 1964—1965 гг. изучение этих вопросов и обмен мнениями вокруг них резко пошли на убыль. Масштабы обсуждения, его проблематика сужались, полемику мало-помалу свели к проработочной критике, зачастую к огульной ругани в адрес ряда историков, упорно не желавших принять усиленно навязывавшиеся им «сверху» маоистские «методологические принципы и приемы»; таким ученым приклеивали всевозможные политические ярлыки. Дискуссией подобные споры можно называть лишь чисто условно, по существу они являлись составной частью широких идейно-политических кампаний, предпринятых в тот период в КНР. «Культурная революция» окончательно свела дело на нет⁵. Насаждавшиеся маоистскими верхами концепции, которые коренным образом расходятся с марксистско-ленинской трактовкой кардинальных вопросов классовой борьбы в эпоху феодализма, обрекли разработку темы на научно-теоретическое бесплодие. В результате итог многолетней напряженной дискуссии и всей работы над данной проблематикой с чисто научной стороны никак не соразмеряется с их размахом. Другое дело, что тому, кто направлял на последнем этапе эту работу и эту дискуссию, удалось, пусть не без боя, повернуть их на службу идейно-политическим установкам и устремлениям маоистов.

Настоящий обзор имеет целью привлечь внимание к некоторым тенденциям и приемам в исследовательской методологии и методике китайских медиевистов, которые давали о себе знать в исторической литературе КНР о крестьянских войнах и восстаниях уже в первые годы после образования КНР, но получили официальное одобрение и открыто возобладали в конце 50-х—начале 60-х годов.

Первостепенное внимание медиевистикой КНР уделено раскрытию и определению отличительных признаков народных движений в феодальном Китае. Данному вопросу посвящено немало специальных работ (статей и обзоров), увидевших свет преимущественно с конца 50-х годов; он обсуждался и на различных совещаниях китайских историков, тоже главным образом на рубеже 50—60-х годов⁶. Казалось бы,

стран. В сентябре 1964 г. на международной историографической конференции синологов, организованной в Лондоне журналом «China Quarterly», изучению в КНР крестьянских движений посвятил специальный обзорный доклад Д. Гаррисон (J. Harrison. Communist Interpretations of the Chinese Peasant Wars. «China Quarterly», № 24, 1965).

⁵ См. помещенные в сб. «Историческая наука в КНР» статьи: Р. В. Вяткин. Историческая наука в КНР; Е. Б. Поршнева. Дискуссия о крестьянских войнах в Китае при феодализме (1964—1965); Б. Г. Доронин. Крестьянская война 1627—1646 гг. в современной китайской историографии; Л. Н. Борох. Китайские историки о принципах исторического исследования.

⁶ См., например, Чжао Ли-шэн. Об особенностях крестьянских войн в Китае. В кн.: Чжао Ли-шэн, Гао Чжао-и. Сборник статей по истории крестьянских войн в Китае. Шанхай, 1954; Ли Тянь-ю. Вопрос об особенностях крестьянских войн в Китае. В кн.: «Дискуссия по проблемам крестьянских войн»; «Характер и особенности крестьянских войн в Китае». «Гуанмин жибао», 14.IV.1960 (материалы дискуссии льяонинских историков); Бай Шоу-и. Особенности крестьянских войн в истории Китая. «Синь цзяньшэ», 1960, № 8—9; «К вопросу о характере, значении и особенностях крестьянских войн в истории Китая». «Синь цзяньшэ», 1960, № 12

ничего предосудительного в этом нет; специфика и действительное своеобразие соответствующих процессов и явлений в той или иной стране всегда представляют интерес для науки. Но они могут и должны рассматриваться не иначе, как конкретное отражение общих для всемирной истории черт и закономерностей, в противном случае исследования не имеют перспективы, оказываются несостоятельными. Китайские авторы на словах признают известное положение о единстве общего и особенного в отношении к истории своей страны, а на деле, в реальной исследовательской практике, многие из них сплошь и рядом отбрасывают это положение, гипертрофируют отдельные конкретно-специфические явления и стороны антифеодальной борьбы в Китае, абсолютизируют и в конечном итоге возводят в постулат тезис об исключительности, беспрецедентности китайского варианта крестьянских войн и восстаний. Именно такая тенденция стала ведущей в историографии КНР по проблемам народных движений при феодализме. При этом в качестве руководящей основы принимаются выдвинутые Мао Цзэ-дун установки, согласно которым такого, как в Китае, обилия массовых повстанческих выступлений и их столь крупных масштабов не знает мировая история, а все эти выступления не что иное, как «крестьянские революционные войны» или «крестьянские революции», являвшиеся в Китае единственным фактором общественного развития⁷.

Подобные упрощенские, вульгаризаторские суждения и формулировки, хотя они выдаются за марксистские, на самом деле противоречат историко-материалистической концепции классово-борьбы. Но именно от этих «программных» положений и претендующих на теоретическую фундированность дефиниций китайские авторы обычно отталкиваются как при подходе к трактовке проблем и факторов классово-борьбы в феодальном Китае, так и в терминологии для обозначения ее социально-исторического характера и функций. Дальше и глубже маоистской схемы большинство медиевистов КНР в разработке вопроса об отличительных особенностях истории крестьянских войн и восстаний в Китае не смогло уйти; схема эта стала неким заранее заданным параметром для всех их построений. Скопанные канонизированными догмами, историки попытались лишь придать «спущенным» им «сверху» положениям и дефинициям научно-респектабельный вид и тем самым «подкрепить» их, не избежав при этом, естественно, грубого искажения фактов реальной истории.

Среди многообразных средств, к которым китайские авторы прибегают, дабы «доказать» научно-теоретическую правомерность утвердившихся среди них взглядов на социальную сущность классовых выступлений китайского крестьянства, на их место и роль в развитии феодального общества, на их специфические, свойственные одной лишь китайской их модели признаки, есть и такие, которые заимствованы из арсенала средневековых официальных историографов. Пользуясь подобными приемами отнюдь не только исследователи старой школы, хотя, понятно, в их трудах влияние традиций оказывается особенно ощутимым. Одним из существеннейших аспектов происходившей в КНР дискуссии о крестьянских войнах и восстаниях эпохи феодализма не случайно стала на первых порах (до конца 50-х годов) именно борьба с традиционными концепциями и методами.

Положение усугубляется тем, что, как и ряд прочих компонентов маоистской идеологии, формулы Мао Цзэ-дуна, относящиеся к крестьянским движениям в китайском феодальном обществе, сами, собственно говоря, построены на той интерпретации народных повстанческих выступлений, которой придерживалась официальная феодальная историография⁸, и вовсе не являются новым словом в науке, хотя и выдаются в КНР за последнее, наивысшее достижение теории. Эти трактовки облачены в покров современной фразеологии и потому не выглядят примитивной апологией ста-

(материалы совещания пекинских историков); Ч жу Цзянь. Особенности крестьянских войн в истории Китая. «Синь цзяньшэ», 1960, № 12 (материалы дискуссии шанхайских историков); Вэй Чжэнь. Обсуждение шанхайскими историками вопроса об особенностях крестьянских войн в старом Китае. «Вэньхуэй бао», 20.XII.1960.

⁷ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 3. М. 1953, стр. 141.

⁸ Указания на это в советской литературе см.: Б. Г. Дорони. Крестьянская война 1627—1646 гг. в современной китайской историографии, стр. 132; его же. Народные движения и китайская феодальная историография (К постановке вопроса). «Вестник» ЛГУ, 1972, № 2, стр. 76.

родавших представлений о «бунтах» и «смутах» мятежной «черни». Иными словами, налицо не просто одно из нередких в китайской исторической науке наших дней проявлений особой устойчивости традиции, а прежде всего и главным образом идущая «сверху» тенденция к искусственному оживлению, культивированию и закреплению данной традиции, даже, по сути дела, к вымолненной осознанному ее использованию в совершенно определенных идейно-политических целях. В результате формулы Мао Цзэ-дуна легко воспринимаются широкими кругами исследователей (далеко не только учеными старой школы), они берутся ими на вооружение, а будучи официально санкционированными, составляют основу современной китайской историографии народных движений при феодализме.

Смысл глубоко порочных концепций медиевистики КНР, поставленных на службу политическому и идеологическому курсу нынешнего пекинского руководства, заключается в преувеличении места, занимаемого китайским крестьянством в истории, глубины воздействия его классовых выступлений на социальный прогресс. Согласно широко распространенным в исторической литературе КНР утверждениям, китайское крестьянство будто бы всегда обладало «беспредельно высокоревolutionным классовым сознанием» и прочими «беспримерными», «исключительными» качествами, которые якобы закономерно предопределены особыми условиями Китая и выдвинули данный класс на положение и роль врожденного носителя революционной исторической миссии в этой стране⁹.

В. И. Ленин, как известно, не подвергая ни малейшему сомнению «наличность революционных элементов в крестьянстве», подчеркивал, что не следует и преувеличивать «силы этих элементов», нельзя забывать «политической неразвитости и темноты крестьян»¹⁰. Официальная же историография КНР не принимает во внимание взгляды основоположников марксизма-ленинизма по вопросу о крестьянской революционности, об ее социально-исторических истоках, ее объективных пределах и перспективах, поскольку, дескать, эти взгляды относятся только к крестьянству Германии, Франции, России, но никак не к «революционному» китайскому крестьянству с его «высокоорганизованным общественным сознанием»¹¹.

Еще накануне «культурной революции», а затем в самый разгар ее в прессе и периодических изданиях КНР объявлялись догматиками, подвергались шельмованию за «неревolutionность», выразившуюся якобы в «опорочивании» китайского крестьянства, видные историки Цзянь Бо-цзянь, Сунь Цзо-минь, Ци Ся, Цай Мэй-бяо и др., — те, кто распространял суждения и оценки К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на китайское крестьянство. Так, Ци Ся и его единомышленников обвинили в догматизме за то, что они применяли к истории Китая высказывания Ф. Энгельса и В. И. Ленина о крестьянских восстаниях и об утопическом характере крестьянских идеалов равенства¹².

Те же ученые, которые отказались «подправлять» историю, подвергались нападкам в печати. Например, одного из наиболее авторитетных китайских историков, Цзянь Бо-цзяня, обвинили в «принижении роли» сельского трудового люда феодальной эпохи, в попытках изобразить крестьянство «пассивной толпой, неспособной вести борьбу против эксплуататоров», в «клевете на крестьянские восстания», в стремлении «облить грязью крестьянские революционные войны» и т. п.¹³. Характерны и заголовки появившихся в печати КНР в преддверии «культурной револю-

⁹ См. Р. В. Вяткин, С. Л. Тихвинский. О некоторых вопросах исторической науки в КНР. «Вопросы истории», 1963, № 10, стр. 9; Р. В. Вяткин. Указ. соч., стр. 17, 44; Е. Б. Поршнева. Указ. соч., стр. 101—103; Л. Н. Борох. Указ. соч., стр. 180—181, 182 и др.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 228—229. Подробнее о трактовке К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным проблемы крестьянской революционности см.: М. А. Окунева. Теоретические взгляды основоположников марксизма и крестьянская революционность. «Вопросы истории», 1972, № 2.

¹¹ См., например, «Дискуссия по проблемам крестьянских войн», стр. 468 и др.

¹² См. Р. В. Вяткин. Указ. соч., стр. 44; Е. Б. Поршнева. Указ. соч., стр. 104, 106; Н. П. Свистунова. Об исторических взглядах Цзянь Бо-цзяня и их критике в КНР. «Историческая наука в КНР»; «Дискуссия по проблемам крестьянских войн», стр. 274, 370—371, 458—462, 468 и др.

¹³ См. Н. П. Свистунова. Указ. соч., стр. 228.

ции» статей с проработочной критикой Сунь Цзо-миня и его единомышленников: «Не позволим издеваться над революционными крестьянскими войнами» («Синь цзяньшэ», 1964, № 12, автор Лу Ши-бин), «Так называемая борьба с приукрашиванием крестьянства — это на деле издевательство над крестьянством» («Гуанмин жибао», 13.I.1965, автор Кун Цзе-пин) и т. п.

Утверждая тезис о беспрецедентно высоком уровне революционных потенциалов китайского крестьянства уже в середине века, отдельные медиэвисты КНР уверяют, будто крестьяне Китая в отличие от их западноевропейских и русских собратьев в процессе антифеодальной борьбы оказывались способными создавать новые социально-политические порядки. Менялись же под ударами народных движений не раз, начиная с III в. до н. э., императорские династии, а повстанцы создавали свои «революционные правительства», внушает, например, У Ши-мо, полемизируя с Сунь Цзо-минем¹⁴. Аналогичные взгляды высказали Нин Кэ и другие историки¹⁵.

Против подобных суждений неоднократно выступали Цзянь Бо-цзянь, Сунь Цзо-минь, Цай Мэй-бяо и еще ряд ученых¹⁶. «Крестьянские войны в истории Китая, — писал Цзянь Бо-цзянь еще в 1951 г., —...как бы они ни были многочисленны и широки по масштабам, никогда радикально не сокрушали экономическую и политическую систему феодализма, не вносили коренных перемен в общественные формы, даже если низвергали одну за другой правящие феодальные династии»¹⁷. Столь же решительно отстаивал Цзянь свою позицию в данном вопросе и в последующее время¹⁸.

Исходя из «установок» Мао Цзэ-дуна, некоторые медиэвисты КНР стремятся представить крестьянские войны и восстания как изначальный, самодовлеющий фактор, предопределявший все экономические, социальные, политические и идеологические процессы в Китае. Народные повстанческие выступления выдаются ими за первопричину изменений, которые составляют содержание поступательного движения китайского феодального общества и государства. Согласно схеме, предложенной такими историками, классовая борьба логически предшествует росту производительных сил и порождавшимся им сдвигам в производственных отношениях; выступая в данной функции, она будто бы имеет свои самостоятельные, имманентные законы самодвижения, которые и обуславливают всецело динамику социально-исторического процесса. Этой точки зрения придерживается, например, У Янь-нань¹⁹, но не только он. Возражая тем, кто решающим критерием периодизации китайского феодализма считает эволюцию форм производственных отношений, У Янь-нань и его сторонники выдвинули в качестве такого критерия развитие классовой борьбы и наметили хронологические границы этапов средневековой эпохи по крупным вехам истории массовых повстанческих движений против феодального гнета²⁰.

¹⁴ У Ши-мо. Выдвигал ли крестьянский класс требование свержения феодального строя и установления нового общественного строя? «Гуанмин жибао», 3.III.1960; «От Чэнь Шэна и У Гуана до Небесного государства великого благоденствия. Очерки истории крестьянских войн в Китае». Шанхай. 1972.

¹⁵ См. Е. Б. Поршнева. Указ. соч., стр. 103—105, 107; Б. Г. Доронин. Крестьянская война 1627—1646 гг. в современной китайской историографии, стр. 138—140; Л. Н. Борох. Указ. соч., стр. 186—187.

¹⁶ См. Н. П. Свищунова. Указ. соч., стр. 219, 225—227; Е. Б. Поршнева. Указ. соч., стр. 103—104, 107; Б. Г. Доронин. Крестьянская война 1627—1646 гг. в современной китайской историографии, стр. 133, 137—138; Л. Н. Борох. Указ. соч., стр. 186—187.

¹⁷ Цзянь Бо-цзянь. О крестьянских войнах в старом Китае. В кн.: Цзянь Бо-цзянь. Сборник статей по вопросам истории. Пекин. 1962, стр. 115.

¹⁸ См. «Цзянь Бо-цзянь о проблемах крестьянских войн в Китае». «Жэньминь жибао», 18.XI.1961; Цзянь Бо-цзянь. Предварительные соображения относительно решения некоторых исторических проблем. «Гуанмин жибао», 22.XII.1961 (в русском переводе см.: «Историческая наука в КНР»); его же. Каким должен быть подход к национальным и классовым отношениям в истории. «Вэньхуэй бао», 18.V.1962; Н. П. Свищунова. Указ. соч., стр. 226.

¹⁹ У Янь-нань. О проблеме внутренней периодизации китайского феодального общества. «Шисюэ юэкань», 1959, № 8.

²⁰ См. Г. Я. Смоллин. Проблемы китайского средневековья в журналах «Лиши яньцзю», «Шисюэ юэкань» и «Лиши цзяосюэ» за 1959 год. «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 158—159; его же. Обсуждение китайскими историками вопроса о крестьянских движениях эпохи феодализма. «Народы Азии и Африки», 1962, № 2, стр. 196—198.

В 1952 г. в Шанхае, а год спустя в Пекине вышла книга Ван Дань-чэня «Очерки истории крестьянских революций в Китае». Термин «крестьянская революция» введен в заголовок этого труда не случайно. Автор повествует о народных движениях 209—206 гг. до н. э., 14—27, 184—215, 610—624, 874—901, 1351—1368 и 1626—1646 гг., — иными словами, только о тех, под ударами которых оказались низвергнутыми императорские династии (соответственно Цинь, Западная Хань, Восточная Хань, Суй, Тан, Юань и Мин). Ван Дань-чэнь особо подчеркивает в предисловии к книге, что он руководствовался именно этим критерием, когда избирал объекты исследования²¹. Впрочем, подобный подход к оценке значения классовых выступлений крестьянства в истории Китая свойствен вовсе не одному Ван Дань-чэню²².

В данном случае налицо рецидив стародавней социально-политической доктрины о «смене небесного мандата (повеления)», восходящей еще к Мэн-цзы (372—289 гг. до н. э.) и с той поры принятой на вооружение официальным конфуцианским историописанием. Суть этой доктрины, если попытаться определить ее очень кратко, состоит в следующем²³. Согласно взглядам, существовавшим еще до Конфуция (551—479 гг. до н. э.), владыка «Срединного государства» — «сын Неба» и царствует по его «повелению» (тянь мин). Но если он, по представлениям правоверных конфуцианцев, правил неподобающим образом, утрачивал качества «совершенномудрого» и «высокодобродетельного» государя, то терял небесное благорасположение, лишался Небом «мандата» и заменялся другим императором, который удостоивался «небесного повеления», возводился на престол и становился основателем новой династии. Так в строгом соответствии с «предназначениями Неба» производилась «смена мандата» (гэмин), но поскольку само Небо не говорит, а лишь ниспосылает свою волю, которая выражается в деяниях людей, то свершался акт «смены мандата» через восстание народа, право на которое для подобных случаев и провозгласил Мэн-цзы. Восстание рассматривалось Мэн-цзы и последующими поколениями конфуцианских мыслителей и историков как орудие закономерной «кары Неба», которой подвергался закосневший в пороках император, и как средство для того, чтобы проложить путь к трону очередному, истинно «сверхмудрому» и «добродетельному» небесному избраннику, с которого и начиналась новая династия. Политические (и историографические) мотивы этой доктрины очевидны — теоретически освятить замену у власти в «Срединном государстве» одной императорской династии другой, подчеркнуть «небесное» происхождение и, следовательно, законность правления соответствующей династии, а одновременно дать по-своему рациональное объяснение фактам падения той или иной династии в результате народного движения. Эти мотивы прослеживаются в древней и средневековой китайской официальной историографии, особенно в «образцовых» (или, как их обычно у нас именуют, династийных) историях²⁴.

Итак, понятие «смена мандата» в конфуцианской теории и официальном историописании оказалось тождественным выражению «замена династии другою» и в этом значении выступало как синоним слова «революция». Отсюда понятно, почему доктрину Мэн-цзы нередко определяют формулой «право на революцию», хотя, по сути дела, ничего от революции в этой доктрине нет и в помине²⁵. Термином «гэмин» обозначается понятие «революция» и в современном китайском языке, но уже в ином, привычном человеку наших дней смысле. Идентификация обоих значений

²¹ Ван Дань-чэнь. Указ. соч., стр. 3. Одновременно он оговаривает в предисловии, что оставляет в стороне события повстанческой борьбы с иноземными захватчиками. Однако восстания «красных войск» 1351—1368 гг., хотя они были направлены главным образом против монгольских завоевателей, нашли отражение в книге (стр. 245—291) на том основании, что увенчались падением династии Юань, провозглашенной в 1271 г. Хубилаем, и воцарением в 1368 г. новой династии (Мин).

²² См. Г. Я. С мо л и н. Обсуждение китайскими историками вопроса о крестьянских движениях эпохи феодализма, стр. 195. Из работ, вышедших после «культурной революции», см. уломинавшийся сборник «От Чэнь Шэна и У Гуана до Небесного государства великого благоденствия».

²³ Подробнее см.: Ю. Л. Кроль. Сыма Цянь — историк. М. 1970, стр. 122—132; Л. С. Васильев. Культы, религии, традиции в Китае. М. 1970, стр. 116—118.

²⁴ См. Б. Г. Доронин. Народные движения и китайская феодальная историография (К постановке вопроса).

²⁵ См. Л. С. Васильев. Указ. соч., стр. 116—117.

слова «гэмин» в историографии КНР явно неправомерна и если подчас имеет место в китайской научной литературе, то вряд ли может быть объяснена лишь данью традиции.

Следовательно, использование Ван Дань-чэнем, и не только им, дефиниции «крестьянская революция» применительно к народным движениям, сокрушившим императорские династии (не говоря уже о выступлениях, которые не оставили такого заметного следа в политической истории Китая), оказывается с научно-теоретической точки зрения необоснованным. Но Ван Дань-чэнь не аргументирует выбора конкретных сюжетов для своей книги, равно как и употребления терминов «революция», «крестьянская революция», положениями доктрины Мэн-цзы. Да и надобности в этом, собственно, у Ван Дань-чэня не было, поскольку он имел возможность сослаться и действительно сослался²⁶ не на кого-нибудь, а на «самого» Мао Цзэ-дуна. В самом деле, суждениям о характере, значении и специфических признаках народных повстанческих выступлений в феодальном Китае у Мао Цзэ-дуна в его сочинении «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» предпослан, чтобы обосновать и иллюстрировать эти суждения, весьма примечательный перечень событий: он включает только такие движения, которые привели к падению соответствующих императорских династий (исключение — крестьянская война тайпинов 1850—1864 гг.). Помимо выступлений, о которых рассказывается в книге Ван Дань-чэня, здесь упомянуты еще восстания под руководством Сун Цзяна и Фан Ла, происшедшие в 1120—1121 гг., то есть в самом конце существования империи Северная Сун (960—1127). И все эти движения, по словам Мао Цзэ-дуна, использованные теми или иными группировками господствующего класса «в качестве орудия для свержения одной династии и утверждения другой», именно они у Мао Цзэ-дуна названы «крестьянскими революциями»²⁷.

Некоторые медиевисты КНР (Нин Кэ, Гуань Фэн, Линь Юй-ши, Лу Ши-бин и др.) пытаются даже отождествлять революционность китайского крестьянства эпохи феодализма с пролетарской революционностью, говорить о крестьянской диктатуре в средневековой истории Китая по образцу пролетарской. Они считают возможным, например, ставить знак равенства между сознательной ломкой государственного аппарата, о которой писали К. Маркс и Ф. Энгельс применительно к действиям французских пролетариев периода Парижской коммуны²⁸, и стихийной деятельностью участников крестьянских войн в феодальном Китае²⁹. Между тем в свое время Цзянь Бо-цзянь, Сунь Цзо-минь и другие видные китайские ученые неоднократно предостерегали от подобных взглядов и утверждений. «В некоторых статьях о крестьянских войнах, — писал Цзянь Бо-цзянь в 1962 г., — провозглашается, что вожаки крестьянских революций были более прогрессивны, нежели революционные руководители современного пролетариата», тогда как предводителей и рядовых повстанцев феодальной эпохи «необходимо оценивать с точки зрения историзма и не лепить их образы по модели современного пролетариата»³⁰. «Предводителей крестьянских войн следует отмечать, но не идеализировать и не модернизировать вплоть до уподобления революционным вождям современного пролетариата»³¹, — подчеркивал Цзянь Бо-цзянь в 1961 году.

Однако этими предостережениями пренебрегли, в исторической литературе КНР на рубеже 50—60-х годов возобладал курс, сторонники которого поставили задачу «подкрепить» маоистский «универсальный программный» тезис о приоритете китай-

²⁶ Ван Дань-чэнь. Указ. соч., стр. 2.

²⁷ Мао Цзэ-дун. Указ. соч., стр. 140—142.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 339, 344; т. 22, стр. 199, 200; т. 33, стр. 172.

²⁹ Нин Кэ. К вопросу о крестьянской власти в истории крестьянских войн в Китае. В кн.: «Дискуссия по проблемам крестьянских войн», стр. 312—313, 317; ср. Сунь Цзо-минь. Относительно некоторых вопросов в исследованиях о «крестьянской власти». «Синь цзяньшэ», 1964, № 5—6, стр. 139; Е. Б. Поршнева. Указ. соч., стр. 103—104, 105; Л. Н. Борох. Указ. соч., стр. 180, 186—187, 188.

³⁰ Цзянь Бо-цзянь. Некоторые вопросы, существующие ныне в исторических исследованиях. «Цзяньхай сюэкань», 1962, № 6, стр. 8—9.

³¹ Цзянь Бо-цзянь. Предварительные соображения относительно решения некоторых исторических проблем, стр. 247.

ского крестьянства, о передаче ему «революционного мандата» в Китае от пролетариата. Медиевисты КНР и прежде широко оперировали научно несостоятельной дефиницией «крестьянская революция», но не случайно она стала особенно часто фигурировать в трудах китайских историков с конца 50-х годов как отражавшая официальную точку зрения. Несомненно, в одном ряду с этим стоит и увлечение многих историков КНР термином «крестьянская война». В 1960 г. Нин Кэ по ходу обсуждения вопроса о социально-исторической роли классовой борьбы при феодализме вывел своего рода «формулу тождества» крестьянских войн и революций, прибегнув для этого к софизму, смазывающему разницу между этими явлениями³².

В КНР многие историки употребляют определение «крестьянская война» в чрезмерно расширительном истолковании: любое, совсем не обязательно очень крупное и исторически значительное повстанческое выступление в феодальном Китае они подводят под такую дефиницию. Вот некоторые из многочисленных примеров. Свыше двух третей материалов книги Чжао Ли-шэна и Гао Чжао-и, названной авторами «Сборник статей по истории крестьянских войн в Китае», посвящено чисто локальным выступлениям (наподобие восстаний Фан Ла в 1120—1122 гг., Чжун Сяна и Ян Яо в 1130—1135 гг., Тан Сай-эр в 1420 г. и т. д.). В специальной статье Гуань Люй-цюаня определение «крестьянская война» применяется к народным восстаниям X—XIII вв., хотя ни одно из них даже с большой натяжкой нельзя подвести под такое понятие и автор сам отмечает узколокальные масштабы и значение этих восстаний³³. Заглавие сборника дискуссионных материалов о крестьянских движениях в Китае при феодализме опять-таки содержит термин «крестьянская война», несмотря на то, что в ходе дискуссии рассматривались факты и проблемы, относящиеся вовсе не к одним лишь крестьянским войнам как таковым³⁴.

Некоторые китайские историки, опираясь, в частности, на известные им труды советских исследователей³⁵, в ходе дискуссии о народных движениях в китайском феодальном обществе обращали внимание на необходимость различать дефиниции «восстание» и «крестьянская война»³⁶. В 1961 г. этот вопрос специально дебатировался (по инициативе Хун Хуань-чуня³⁷) применительно к истории Китая, и в процессе обмена мнениями был высказан ряд небезыntenесных суждений. Однако последнее слово осталось тогда за противниками теоретической дифференциации понятий «крестьянская война» и «крестьянское восстание» (Сюй И-минь, Лю Дин-хэ и ряд других историков Нанкинского университета и педагогического института)³⁸.

За увлечением в медиевистике КНР дефинициями «крестьянская война» или «крестьянская революционная война» обычно стоят совершенно определенные концепции. Непомерно расширительное истолкование определения «крестьянская война», утвердившееся в историографии КНР, во многом связано с тем, что китайская революция, по мнению ряда китайских историков, является классической крестьянской войной. Отсюда, в частности, модернизация в трактовке фактов далекого прошлого, использование применительно к делам давно минувших дней таких (обычно в корне

³² Нин Кэ. Указ. соч., стр. 303.

³³ Гуань Люй-цюань. О крестьянских войнах периода Сун. «Лиши яньцзю», 1962, № 2.

³⁴ «Дискуссия по проблемам крестьянских войн». См. также «От Чэнь Шэна и У Гуана до Небесного государства великого благоденствия».

³⁵ Имеются в виду, например: В. В. Мавродин, И. З. Кадсон, Н. И. Сергеева, Т. П. Ржаникова. Об особенностях крестьянских войн в России. «Вопросы истории», 1956, № 2. Китайский перевод этой статьи напечатан в «Сборнике переводов по исторической науке». Вып. 6. Пекин. 1956.

³⁶ См., например, Ли Тянь-ю. Указ. соч., стр. 219.

³⁷ Хун Хуань-чунь. Общие черты и различия крестьянских восстаний и крестьянских войн в старом Китае. «Цзянхай сюэкань», 1961, № 4. Эта статья получила отклик в китайской печати. См. «Общие черты и различия крестьянских восстаний и крестьянских войн в старом Китае». «Вэньхуэй бао», 4.V.1961. Информацию под таким же заголовком напечатала и «Гуанмин жибао» (10.V.1961).

³⁸ Сюй И-минь и др. Крестьянские восстания и крестьянские войны в Китае — это по сути своей одно и то же. «Цзянхай сюэкань», 1961, № 6; Лю Дин-хэ и др. Крестьянские восстания и крестьянские войны в Китае — явления одного порядка. Там же; «Дискуссия в Цзянхай сюэкань» об общих чертах и различиях крестьянских восстаний и крестьянских войн в Китае». «Гуанмин жибао», 20.VI.1961.

неверных) критериев и положений, формул и категорий, которые заимствованы из характеристики Мао Цзэ-дуном и его приверженцами процессов и событий последних десятилетий, равно как и современных явлений.

Например, несомненно, из арсенала маоистов перекечевали в медиэвистику КНР представления, возводящие в абсолют идею войны, полностью отождествляющие социально-освободительные и национально-освободительные движения с войнами, трактующие вооруженную борьбу как единственно возможное всегда и повсюду средство достижения общественного прогресса³⁹. И в общих и в конкретных трудах ученые КНР, за единичными исключениями⁴⁰, сводят классовую борьбу в феодальном Китае с ее в действительности разнообразными формами и способами всецело к крестьянским войнам и восстаниям. Эта оценка исходит опять-таки из маоистского тезиса о народных повстанческих движениях как якобы единственном факторе прогресса китайского феодального общества — тезиса, в котором, помимо всего прочего, сокрыто забвение, а точнее отрицание большого многообразия видов и средств противоборства трудящихся масс в эпоху средневековья экономическому, социальному, политическому и духовному гнету правящего класса, тогда как на самом деле неповстанческие формы сопротивления эксплуатируемого люда (скрытые и открытые, пассивные и активные, индивидуальные и коллективные) в своей совокупности тоже оказывали определенное, подчас даже более непосредственное и осязаемое, влияние на реальный ход общественного развития. Абсолютизация медиэвистикой КНР форм вооруженных массовых выступлений привела к тому, что исторически очень важный опыт этих неповстанческих путей и средств классовой борьбы остался в тени или попросту игнорируется.

История антифеодального сопротивления общественных низов обычно изображается в трудах китайских авторов исключительно как вооруженная борьба, народные движения рассматриваются не иначе, как чисто военные кампании, повстанческие отряды — как регулярные армии, а их предводители — как полководцы, военные деятели. Такой трактовке благоприятствует известная традиция «образцовых историй» и прочих произведений официальной феодальной историографии, на которые чаще всего опираются нынешние китайские историки, — традиция, состоящая в стремлении подменять описание крестьянских войн и восстаний детальным изложением боевых действий между народными воителями и их врагами, переносить повествование о тех или иных конкретных проявлениях стихийной антифеодальной борьбы всецело в плоскость вооруженных столкновений повстанцев и карателей⁴¹. В основе предлагаемых китайскими историками схем периодизации народных антифеодальных движений обычно лежит чисто военный критерий; этапные вехи намечаются исходя не из анализа прежде всего внутренних процессов непосредственно в самом повстанческом лагере, а только из карательных действий правительственных войск. Иными словами, возведенный в примат военный аспект периодизации антифеодальных выступлений опирается главным образом на учет репрессивных мероприятий властей, и тем самым повстанческое движение предстает лишь в качестве объекта, а не субъекта событий.

Г. Я. Смолин

³⁹ См. Р. В. Вяткин, С. Л. Тихвинский. Указ. соч.; С. Л. Тихвинский. Антимарксистские проявления в области исторической науки в КНР. «За чистоту марксизма-ленинизма». М. 1964; Л. А. Березный, Г. В. Ефимов. Некоторые вопросы периодизации новейшей истории Китая. «Вестник» ЛГУ, 1968, № 20; Р. В. Вяткин. Указ. соч.

⁴⁰ См., например, Бай Шоу-и. Указ. соч.

⁴¹ См. Б. Г. Доронин. Народные движения и китайская феодальная историография (К постановке вопроса), стр. 74.